

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация

В статье авторы рассматривают современные тенденции применения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера, отмечая, что обновленная конфискация, представленная в действующем уголовном законодательстве, практически утратила свое превентивное воздействие, и, как следствие, сохраняются лишь иллюзии, что указанная мера выступает эффективным средством борьбы с преступностью. Проведен анализ действующего уголовного законодательства и выявлены разновидности подходов к современному восприятию роли конфискации имущества. Отмечается, что противоречивая законодательная регламентация конфискации имущества и отсутствие четкого механизма ее применения осложняют назначение указанного института. Авторами сделан вывод о необходимости пересмотра конфискации имущества в системе превентивных мер уголовно-правового воздействия. Более того, конфискация имущества должна рассматриваться только в качестве дополнительного вида наказания, что, с одной стороны, не будет противоречить конституционным нормам, с другой — целям наказания.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, конфискация имущества, уголовное судопроизводство, права и свободы личности, имущество, добытое преступным путем.

В 2003 г. произошло судьбоносное событие в жизни юридической общественности, связанное с отказом от использования хорошо апробированного вида наказания — конфискации имущества. Данное решение законодателя вызвало неоднозначную реакцию у общественности, заинтересованной в снижении показателей преступности в России. Дело в том, что конфискация в бытность своего существования в качестве наказания, доказала свою эффективность, делая невыгодным совершение корыстных преступлений. Поэтому неудивительно, что в забвении конфискация просуществовала недолго и через три с половиной

года была возвращена в уголовный закон. В этой связи необходимо отметить, что международный опыт свидетельствует о признании конфискации в качестве эффективной меры воздействия. Многие страны активно ее практикуют, демонстрируют высокие показатели результативности. Именно поэтому ряд международных конвенций обязывает установление конфискации в целях повышения качества противодействия наиболее опасных организованных проявлений преступности. Так, можно отметить конвенцию ООН от 20.12.1988 г. о борьбе против незаконного оборота наркотиков, наркотических средств и психотропных веществ; конвенцию ООН от 31.10.2003 г. против коррупции; конвенцию ООН от 15.11.2000 г. против транснациональной организованной преступности; конвенцию Совета Европы от 16.05.2005 г. об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и др.

Однако с «возвращенной» конфискацией произошли коренные метаморфозы. С 2006 г. конфискация предусмотрена как иная мера уголовно-правового характера, с изменением сущности и потенциальной возможности воздействия на причины преступности в целом и на преступника в частности. В том виде, в котором конфискация представлена в действующем уголовном законодательстве, она практически абсолютно утратила свое превентивное воздействие. Не случайно возникают вопросы относительно причин произошедших изменений в содержании данной меры.

Отмеченный тезис подтверждается и статистическими данными Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ, свидетельствуя, что доля назначения конфискации имущества осужденным лицам в общем числе осужденных не велика и в среднем составляет 0,5 %. Вместе с этим темп прироста назначения этой меры отмечался в 2018 г. — +19,5 %; 2019 г. — +6,5 % и в 2021 г. — +34,2 %, и, несмотря на положительную динамику ее назначения в качестве иной меры уголовно-правового характера, она применяется крайне редко (табл.).

Согласно представленным данным, конфискация имущества была применена в основном осужденным лицам за умышленные преступления в сфере экономики, общественной безопасности, здоровья населения, а также за преступления коррупционной направленности. Так, к каждому второму осужденному за незаконные действия с наркотическими средствами,

психотропными и сильнодействующими веществами применили конфискацию имущества в 2021 г., и темп прироста составил +40,8 %, и только каждому двадцатому осужденному за коррупционные преступления применили указанную меру, что не соответствует декларируемым направлениям государственной политики в сфере борьбы с преступностью. Очевидно, что отказ от конфискации имущества как вида уголовного наказания с восторгом приняли коррупционеры, наркоторговцы, расхитители чужой собственности, поскольку «лучше отбыть несколько лет наказания, чем потерять большую часть собственности, добытую преступным путем» [1]. По справедливому замечанию В.Г. Татарникова, такой подход противоречит фундаментальным принципам уголовного права, принципу справедливости, который, с одной стороны, обеспечивает справедливость наказания, с другой — является эффективным профилактическим средством [2].

Назначение конфискации имущества осужденным лицам в зависимости от вида преступления в Российской Федерации (2017–2021 гг.), %¹

Показатель	Год				
	2017	2018	2019	2020	2021
Всего осуждено	2 059	2 459	2 618	2 580	3 463
Удельный вес в общем числе осужденных, %	0,3	0,4	0,4	0,5	0,6
Темп прироста (цепной), %	–	+19,5	+6,5	–1,45	+34,2
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (удельный вес, %)	0,3	0,5	0,3	0,5	0,2
Прирост к предыдущему году, %	–	+50,0	–41,6	+71,4	–50,0
Кража (удельный вес, %)	6,0	4,1	4,1	5,4	3,2
Прирост к предыдущему году, %	–	–16,3	+4,5	+36,3	–20,1
Незаконное предпринимательство и банковская деятельность (удельный вес, %)	5,5	4,6	4,5	2,7	4,5
Прирост к предыдущему году, %	–	+0,8	+9,6	–44,8	+123,1
Незаконные действия и нарушения правил обращения с оружием, БП, ВВ и взрывными устройствами (удельный вес, %)	1,2	1,09	0,7	0,7	0,7
Прирост к предыдущему году, %	–	+12,5	–25,9	+5,0	+20,0

¹ Данные Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2017–2022 г. Режим доступа: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.09.2022).

Показатель	Год				
	2017	2018	2019	2020	2021
Незаконные действия и нарушения правил с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами (удельный вес, %)	38,8	48,3	53,2	57,3	60,2
Прирост к предыдущему году, %	–	+48,4	+17,3	+6,24	+40,8
Незаконная добыча водных животных и растений (удельный вес, %)	3,4	1,8	1,7	0,9	0,7
Прирост к предыдущему году, %	–	–37,1	+2,2	–43,1	–4,0
Получение взятки (удельный вес, %)	1,9	1,6	4,08	3,6	4,7
Прирост к предыдущему году, %	–	+2,5	+167,5	–11,2	+73,6
Дача взятки (удельный вес, %)	4,03	4,02	4,5	4,6	3,0
Прирост к предыдущему году, %	–	+19,2	17,1	+2,5	–14,2
Мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) (удельный вес, %)	8,0	3,0	1,5	2,0	0,8
Прирост к предыдущему году, %	–	–55,4	–47,9	+23,7	–40,4
Прочие преступления	37,7	30,5	21,06	21,8	21,4

Представляется, что противоречивая законодательная регламентация конфискации имущества и отсутствие четкого механизма ее применения осложняют назначение указанного института. Для повышения эффективности применения данной меры уголовно-правового характера следует отказаться от существующего перечня преступлений, предусмотренных в ст. 104.1 УК РФ, что позволит увеличить сферу назначения конфискации как иной меры уголовно-правового характера для результативного восстановления нарушенных преступлением правоотношений [3].

Кроме этого, в последнее время на страницах научных исследований обсуждается вопрос о применении «Расширенной конфискации», суть которой заключается в специфике распределения бремени доказывания. В собственность государства изымается имущество, не только добытое преступным путем, но и имущество, которое является возможным доходом от предыдущей преступной деятельности, в случае если лицо не смогло доказать законность его происхождения [4]. Аргументом в пользу ее применения выступают действующие международные и европейские конвенции, ратифицированные Россией, и положительный опыт в некоторых европейских странах. Конвенция

ООН против «транснациональной организованной преступности»¹, где отмечается, что лицо, совершившее преступление, доказало законность происхождения предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации, в соответствии с требованиями внутреннего законодательства и характером судебного разбирательства. Однако профессором В.А. Уткиным подмечается, что решение проблемы применительно к конфискации имущества в России в большей степени находится в политической плоскости, а не уголовно-правовой, поэтому в таком виде конфискация не только малоэффективна, она отчасти вредна, поскольку сохраняются лишь иллюзии борьбы с преступностью [5].

Между тем конфискация имущества представляет собой меру уголовно-правового характера, состоящую в безвозмездном обращении определенного имущества в доход государства на основании обвинительного приговора суда в отношении определенных преступлений, что, по мнению Ю.Е. Пудовочкина, сближает указанную меру по характеру с дополнительными видами наказания [6]. Сходные черты «новой» конфискации имущества с дополнительным наказанием отмечали исследователи, указав, что конфискация имущества остается мерой государственного принуждения, назначается по приговору суда, по своей карательной сущности представляет собой лишение или ограничение осужденного в его имущественных правах [7]. Вместе с тем, по мнению В.В. Агильдина, конфискация имущества не имеет карательно-репрессивной направленности, типичной для видов наказаний, ее принудительность состоит в обязанности осужденного претерпевать ограничения, связанные с необходимостью передать в собственность государства обозначенное имущество, предусмотренное в ст. 104.1 УК, остальные признаки имеют сходные черты с наказанием [8, с. 72]. Представляется, что конфискацию имущества следует признать мерой государственного принуждения, она применяется в связи с совершением корыстных и иных экономических преступлений и заключается в принудительной передаче в собственность государства определенного имущества в соответствии со ст. 104.1 УК РФ.

¹ Конвенция ООН от 15.11.2000 г. против транснациональной организованной преступности.

Между тем в юридической литературе высказываются и точки зрения о карательном характере конфискации имущества. По мнению М.Ю. Дворецкого, конфискация имущества, являясь видом уголовной ответственности, выступает мерой уголовно-правового характера, направленной на усиление карательно-воспитательного воздействия на осужденного, затрагивая его имущественные интересы [9]. Вместе с этим можно встретить и научные труды, в которых сделан акцент, что конфискация имущества не обладает карательным потенциалом — «это некарательная мера уголовно-правового характера, имеющая принудительный и безвозмездный характер, заключающийся в обращении в собственность государства имущества, которое так или иначе связано с совершением преступления, принадлежащее обвиняемому либо другому лицу, назначаемая судом наряду с наказанием» [10, с. 22]. Более того, ученые указывали, что конфискация имущества, относится к иной мере уголовно-правового характера, и поэтому карательный элемент не содержит, а выступает инструментом компенсационного (восстановительного) и предупредительного воздействия [11]. Очевидно, что в отдельных случаях именно конфискация имущества является главным элементом государственного воздействия на лицо, совершившее преступление, обладающим элементом репрессии и оказывающим непосредственное негативное воздействие на данное лицо.

Прежде всего, напрашивается вывод о проявлении эффекта самодетерминации коррупционной и корыстной преступности за счет устранения способа государственного воздействия, подрывающего фундаментальные факторы развития преступности. Совершенно справедливо отмечают профессора В.А. Казакова и С.М. Иншаков, что «в условиях сокращения применения лишения свободы за экономические преступления все остальные наказания не смогут эффективно играть предупредительную роль и противостоять искушению быстрого и надежного преступного обогащения в качестве прочного основания обеспечения незыблемым капиталом себя и своих близких» [12, с. 267]. Поэтому сделан вывод, что только конфискация способна разрушить фундамент преступности и остановить преступника.

Крайне спорно выглядит позиция законодателя об отсутствии норм, стимулирующих исполнение решения суда о конфискации имущества. Проблема в том, что в настоящее время не

предусмотрено специальных мер ответственности за уклонение от исполнения конфискации. Таким образом, отсутствие имущества, подлежащего конфискации, следуя разъяснением Верховного суда РФ, порождает правовые последствия в виде прекращения исполнительного производства¹. При этом общеизвестным является факт сокрытия имущества, полученного в ходе совершения преступления, от государственных органов, для этого используются различные схемы от оформления на подставных лиц, до легализации через незаконные сделки. В любом случае имущество, приобретенное преступным путем, как правило, не находится в натуральном виде у преступника, а значит, для выполнения предупредительной функции в современных условиях конфискация должна приобрести иной вид, адаптированный под настоящие условия. Следует согласиться с мнением С.В. Шевелевой, что для результативности применения конфискации имущества достаточно наложить арест на имущество (ч. 1 ст. 115 УПК РФ), которое впоследствии могло быть конфисковано и не позволило обвиняемому, его родственникам и другим заинтересованным лицам скрыть его от компетентных органов [13, с. 74].

В качестве проблемы применения конфискации можно отметить, что не имеет устоявшегося и однозначного механизма реализации решение вопроса установления преступности происхождения имущества [14, с. 21]. Очень странно, что законодатель не предпринимает никаких шагов для решения данной проблемы, оставляя открытыми пути для обхода закона и оставляя нормы о конфискации в декларативной форме существования.

На протяжении длительного времени такой известный и распространенный на практике вариант сокрытия имущества, приобретенного в нарушении закона, как оформление собственности на третьих лиц, продолжает оставаться камнем преткновения для применения конфискации. С одной стороны, на иных лиц, которые не осуждены за совершение преступления, не возложена обязанность доказывать законность происхождения имущества и источник его получения, чем упрочняются коррупционные и иные преступные схемы приобретения имущества. С

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. Январь. № 1. С. 2–19.

другой стороны, Конституционный суд установил, что «допускается обращение в порядке гражданского судопроизводства в доход Российской Федерации лицу, замещающему должность государственной (муниципальной) службы, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых таким лицом не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы, а также денежных средств, полученных от продажи такого имущества»¹. Таким образом, высказана позиция о возможности конфискации в случаях, когда лицо не может доказать законность происхождения имущества документами из налоговой службы. С позиции толкования понятия справедливости данное положение вполне приемлемо и целесообразно. Однако возникает вопрос о возможности представленной интерпретации к толкованию положений уголовного законодательства, особенно в свете доминирующей идеи о презумпции невиновности.

Список использованной литературы

1. Игнатов А.Н. Некоторые аспекты реформирования уголовного законодательства // Журнал российского права. 2003. № 9. С. 26.
2. Татарников В.Г. Конфискация имущества в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 11 (106). С. 399–403.
3. Куликов А.В., Хибнерс Ю.А. Проблемы назначения и применения конфискации имущества // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 1. С. 39–46.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П по делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207895 (дата обращения: 10.09.2022).

4. Лаптев Д.Б. О совершенствовании института конфискации имущества в уголовном праве России // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 3 (44). С. 39–45.
5. Уткин В.А. Альтернативные санкции в России: проблемы и перспективы. Москва, 2013. С. 55.
6. Пудовочкин Ю.Е. Конфискация имущества: толкование и применение уголовно-правовых норм // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 6. С. 10–15.
7. Анощенкова С.В., Чибулаева С.А. Конфискация имущества как мера уголовного наказания // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности : сб. науч. тр. / под общ. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов : Сателлит, 2006. С. 163–166.
8. Агильдин В.В. Институт конфискации имущества как превентивная мера предупреждения преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 71–75.
9. Дворецкий М.Ю. Иные меры уголовно-правового характера, как форма реализации уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2015. № 3 (3). С. 52–56.
10. Набиуллин Ф.К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008.
11. Николаев К.Д., Спиридонов А.П. Понятие, сущность и содержание конфискации имущества // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 4 (63). С. 76–79.
12. Казакова В.А., Иншаков С.М. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14 (1–4), № 3. С. 263–268.
13. Шевелева С.В. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 3. С. 73–84.
14. Вакутин А.А., Карпова О.В. Проблемы исполнения конфискации имущества // Уголовное право и криминология. 2022. № 3. С. 19–23.

Информация об авторах

Корягина Светлана Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, г. Иркутск.

Кравченко Ирина Олеговна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, г. Иркутск.